

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
о диссертации КРАВЧЕНКО Михаила Александровича «ИНТЕГРАЛЬНАЯ
НЕОСТРУКТУРАЛИСТСКАЯ ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ
ОБЫДЕННОГО МЕТАЯЗЫКА», представленной
на соискание ученой степени доктора филологических наук
по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

В докторской диссертации М.А. Кравченко затрагивается одна из сложнейших теоретико-методологических проблем современного языкознания, как теоретического, так и прикладного, – проблема метаязыка. Вокруг статуса и онтологии метаязыка, используемого лингвистами, на протяжении многих десятилетий не утихают споры. Р.О. Якобсон живо подмечал имманентную способность языка служить средством самоописания, подчеркивая, что способность языковых единиц выступать инструментом рефлексии о структурной, семантической или функционально-прагматической специфике других языковых единиц иллюстрирует уникальную гибкость и полифункциональность языка. С другой стороны, А.В. Кравченко считает тот факт, что язык описывается исключительно при помощи него же самого, методологической ловушкой, заводящей научное описание языка в тупик. Заслуживают самого пристального внимания обе точки зрения: полифункциональность языка и его эффективность в качестве средства самоописания на сегодняшний день несомненны, что подтверждается серьезнейшими научными результатами, полученными на протяжении столетий в самых разных областях лингвистики.

Вместе с тем, нельзя не признать, что отсутствие системно разработанного метаязыка – серьезный недостаток, зачастую препятствующий построению четких и непротиворечивых формальных семантических описаний, позволяющий поставить под сомнение результаты лингвистической экспертизы, затрудняющий создание инструментов автоматизированного лингвистического анализа. Таким образом,

переоценить **актуальность** диссертации М.А. Кравченко очень сложно; более того, думается, что эта работа была бы своевременной на любом этапе развития науки о языке.

Тем не менее, рецензируемый труд появился именно сейчас, и это совсем не случайно. Диссертант проводит теоретизацию обыденного метаязыка в концептуально-методологических рамках парадигмы неоструктурализма, основания которой «формируются в результате методологического диалога антропоцентризма и системоцентризма» (стр. 55). В первой главе последовательно и четко обрисовываются принципы, образующие методологическую рамку, реализуемую М.А. Кравченко в ходе построения интегративной модели обыденного метаязыка: взаимокоррелирующие принципы холизма и таксономичности, принцип учета семиотической природы языковых явлений, принцип многомерности, вытекающий из осознания многомерности и полиаспектности дискурса как сферы реализации метаязыка, дополняющие друг друга принципы функционализма и текстоцентризма. Как видим, неоструктуралистский ракурс рассмотрения метаязыка, избранный автором, предопределен логикой и содержанием развития лингвистики как во второй половине XIX века, так и на всем протяжении века XX: такой концептуальный подход в сочетании с апробированными дисциплинарными методами лингвистического анализа обеспечивает прочное методологическое основание для дальнейшего изучения и моделирования.

Оценка релевантности и валидности общенаучных и дисциплинарных методов, использованных диссертантом при проведении рецензируемого исследования, не выявила сколько-нибудь значимых противоречий между заявленной целью, исследовательскими задачами, эмпирическим материалом и комплексом методов, использованных для решения поставленных задач. Более того, полагаю, что обоснование в рамках диссертации основных принципов неоструктурализма как лингвистической парадигмы, синтезирующей наиболее значимые достижения антропоцентризма и системоцентризма, может

рассматриваться как важный фактор новизны и теоретической значимости рецензируемого труда.

Теоретическая база исследования солидна, о чем свидетельствует не только обширная библиография, но и глубина и масштаб ставящихся и решаемых в работе вопросов. Начитанность и прочная теоретическая подготовка диссертанта отражаются в логичном и последовательном изложении как теоретического наследия предшественников, относящегося к анализируемой проблематике, так и собственной концепции. В тексте диссертации полностью раскрыты и обоснованы положения, выносимые на защиту, выдвигаемые общие и частные тезисы иллюстрируются достаточным количеством примеров, сопровождаемых авторским комментарием; результаты разноаспектного моделирования обыденного метаязыка получили информативную визуализацию.

Обращение к данным НКРЯ, равно как и использование авторского «Исследовательского корпуса текстов репрезентации лингвосемиотики обыденного метаязыка: семантика, синтактика, прагматика», получившего государственную регистрацию, обеспечили необходимую для столь фундаментального исследования **репрезентативность эмпирического материала.**

Значимые теоретико-эмпирические результаты, полученные лично автором исследования, **детерминируют теоретическую ценность и научную новизну** последнего и могут, как мне представляется, быть резюмированы следующим образом.

1. Как уже отмечалось ранее в настоящем отзыве, серьезным научным достижением М.А. Кравченко следует признать разработку и обоснование теоретико-методологических основ неоструктурализма как новой интегральной парадигмы лингвистических исследований, в рамках которой синтезируются магистральные идеи и принципы господствующей в лингвистике сегодня антропоцентрической парадигмы и предшествовавшей ей парадигмы структуралистской. Базируясь на таком комплексном научном фундаменте, диссертант в разделе 1.4 аргументированно обосновывает целесообразность широкого понимания

сущности метаязыка как совокупности языковых средств, участвующих в осуществлении внутренней референции, анализировать которые логично в комплексе трех измерений – семантики, синтактики и прагматики, что выводит на первый план деятельностную природу метаязыка.

2. Впечатляет логичностью и убедительностью аргументация М.А. Кравченко, представленная в разделе 2.3.2 и направленная на теоретическое решение задачи разграничения понятий модуса и метатекста. Диссертант убедительно демонстрирует, что «указанные явления, несмотря на их онтологическую, функционально-семантическую и формально грамматическую близость, обладают» определенными дифференциальными признаками, что позволяет вывести метатекст за рамки исключительно модусной категории.
3. Отдельной заслугой следует признать достаточно удачную попытку диссертанта обобщить и систематизировать семантику единиц обыденного метаязыка на основе их подразделения на продуктивные и рецептивные (см. раздел 3.1) и учета специфики объекта метаязыковой рефлексии (форма языкового знака либо его содержание, внешняя или внутренняя форма языкового знака). На этой основе М.А. Кравченко выделены интерпретативы, маркированные дескриптивной либо оценочной семантикой, и инвестиативы, в которых репрезентируются очень мало изученные в современной лингвистике стратегии, тактики и результаты поиска элементов языкового кода, необходимых для продуцирования конкретного высказывания (см. разделы 3.2.1 и 3.1.1). Выделены, разграничены и подробно описаны инвестиативы-хезитации, инвестиативы-оценки и инвестиативы коррекции. До автора практически никто из лингвистов, занимавшихся данной проблематикой, не ставил перед собой столь глобальной и серьезной задачи, решение которой, вне всякого сомнения, является большим шагом вперед в лингвистическом изучении метаязыка и мета(центрированного)дискурса.
4. С позиций синтактики метатекстовых конструкций М.А. Кравченко в главе 4 рецензируемого исследования теоретически обосновывает необходимость разделения целостного пространства текста на «поле внешней референции и поле

внутренней референции» (стр. 288), в пределах которых референция осуществляется, соответственно, к внеязыковому пространству и собственно языковому коду. Проведено разграничение лексикализованного и грамматикализованного метатекста: в первом случае в фокусе говорящего оказываются отношения между отдельными знаками, в то время как во втором случае – внутритекстовые отношения.

5. В завершающей главе исследования метаязык и метатекстовые конструкции анализируются диссертантом в плоскости прагматики, что позволяет ввести в сферу рассмотрения антропоцентрический фактор. Важно, что в ходе анализа прагматика метатекста характеризуется в двух координатах – продуцента и реципиента (см. раздел 5.1). В координатах «метатекст – продуцент» выделяются и описываются три основных метатекстовых стратегии: авторизации кода, социокультурной локализации кода, а также эвфемизации / дисфемизации. В координатах же «метатекст – реципиент» диссертант убедительно показывает, что прагматика метатекста тяготеет к языковой игре.

Переходя к научной дискуссии с М.А. Кравченко, сразу отмечу, что рецензируемое исследование выстроено очень последовательно, логично и доказательно, в связи с чем в ходе знакомства с ним каких-либо серьезных замечаний теоретического или методологического плана у меня не возникло. Поэтому те вопросы и соображения, которые представлены ниже, предлагаются диссертанту именно в порядке научной дискуссии для уточнения высказываемых им тезисов и предлагаемых обобщений.

1. Не следует ли в качестве одного из основных свойств обыденного метаязыка рассматривать **неразрывную сочлененность** рефлексивов с собственно языковыми единицами, которые выступают объектами метаязыковой рефлексии? Подобная сочлененность, несомненно, подчеркивает знаковую природу единиц метаязыка, однако, на мой взгляд, тут присутствует важное отличие. Если у языковых единиц знаковая связь имеет устойчивый и воспроизводимый характер, в связи с чем нет никакой нужды комментировать референтную соотнесенность

языкового знака при каждом его употреблении, то для метаязыковых единиц эта связь имеет больше окказиональную природу, поэтому экспликация объекта метаязыковой рефлексии совершенно необходима в каждом конкретном случае.

2. Во введении диссертант обозначает в качестве объекта изучения «конструкции обыденного метаязыка», т.е. высказывания, в которых репрезентируется процесс и/или результат метаязыковой рефлексии, созданные посредством *общеупотребительных* языковых единиц, обладающих «внутренней референцией», функционал которых сводится к интерпретации или описанию формы или содержания других языковых единиц. Вместе с тем, на страницах работы неоднократно встречаются примеры, в которых представлена интерпретация семантики терминологических единиц (см., в частности, *стр. 186* (термины психологии, архитектуры и религии), *257* (термины лингвистики и музыки), *274* (метаязыковой разбор термина «провокация» и т.д.), причем эта интерпретация, как определяет сам М.А. Кравченко, производится зачастую посредством *дефиниции* (ср.: «... объем интерпретативов ближнего значения заполнен дефинициями значений терминов» – *стр. 186*). Часть таких контекстов рассмотрена в разделе 2.3.1, но все же нет ли здесь определенного противоречия, ведь на *стр. 68* автор недвусмысленно пишет о том, что обыденный метаязык *противопоставлен* языкам для специальных целей? Любопытно, что терминоединицы в приводимых автором примерах не всегда выступают именно объектами метаязыковой рефлексии; нередко термины репрезентируют и сам процесс метаязыковой рефлексии (ср., к примеру, отрывки из произведений Е. Водолазкина, приводимые на *стр. 206-207* рецензируемого труда). Кроме того, нельзя не принимать во внимание и то, что в дефинициях терминов общеупотребительные языковые единицы реализуются уже в *терминологическом* употреблении (это было убедительно показано в исследованиях С.Д. Шелова, М.Н. Лату и других терминоведов).
3. Эмпирический материал, проанализированный М.А. Кравченко, весьма обширен: привлекались данные как Национального корпуса русского языка, так и

собственный исследовательский корпус текстов репрезентации лингвосемиотики обыденного метаязыка, в связи с чем хотелось бы уточнить алгоритм работы диссертанта с НКРЯ. Какие запросы производились в корпус? По каким исходным критериям формировалась выборка вариантов для таких запросов? Какие есть основания полагать, что использованный реестр запросов является исчерпывающим?

4. Сложно полностью согласиться с диссертантом, когда он устанавливает отношения полной синонимии между метакорректорами «вернее», «точнее» и «скорее» (см. об этом *раздел 2.3.3, стр. 145-146*). Полная функциональная синонимия между ними бесспорна, однако с прагма-семантической точки зрения, как мне представляется, указанные метакорректоры репрезентируют различные по природе цели метаязыкового поиска: поиск более семантически точной языковой единицы («вернее»), более семантически конкретной единицы («точнее») и более семантически емкой языковой единицы («скорее»).
5. Еще одним спорным, на мой взгляд, моментом является опора на синонимию корректируемого слова и корректирующего слова при выявлении высказываний с внутренней референцией (см., в частности, разбор примеров с синонимическими парами и синонимическими рядами на *стр. 150-151*). В случае полной синонимии такой подход, несомненно, валиден, поскольку денотативная соотнесенность сопоставляемых лексических единиц идентична, что свидетельствует о том, что в высказывании репрезентируется именно метаязыковая рефлексия. Однако в общеупотребительной лексике русского языка полная синонимия – большая редкость, о чем как раз и свидетельствуют примеры, которые анализирует диссертант («легкость» денотативно равно «облегчение»? «усталость» денотативно равно «опустошение»?)). Для таких примеров можно предложить альтернативную интерпретацию, которая также представляется вполне валидной: говорящий продолжает анализировать денотативную ситуацию в процессе генерирования высказывания, и употребление синонимичных номинаций может репрезентировать процессы категоризации, концептуализации и

реконцептуализации объектов и процессов внешней среды, протекающие в реальном времени, т.е. параллельно с продуцированием высказывания. Думаю, можно было избежать такой двойственности интерпретаций. Значительно более удачными здесь были бы примеры совместной дискурсивной реализации терминов и синонимичных им жаргонных выражений или профессионализмов (образованных, скажем, посредством эллиптизации или усечения компонентов полноструктурных терминоединиц): денотативное тождество таких языковых единиц не подлежит сомнению.

6. Сходные соображения, полагаю, можно высказать и в отношении интерпретации диссертантом примеров, подобных следующему: «И несколько последующих лет можно считать *счастливыми, но ... но пустоватыми*» ((Р. Сенчин «Дождь в Париже» // авторская база данных № 2026620743; подчеркивание в тексте примера мое – О.А.) (стр. 177). В данном случае, как полагает М.А. Кравченко, перед нами продуктивный рефлексив, присутствие которого обусловлено трудностями «выбора слова, <...> «нештатной ситуацией» в акте именования». Авторская аргументация подкрепляется также и тем, что в дискурсивных фрагментах, подобным процитированному, присутствуют графически маркированные хезитации («но ... но»). Не могу согласиться с утверждением М.А. Кравченко о том, что такого рода случаях все сводится только к выбору слова для осуществления именования. Прежде всего, перед нами ситуация не столько именования, сколько *предсказания*: номинация самого феномена остается неизменной («последующие года», подчеркнуто мной), говорящий профилирует разные *характеристики* этого феномена. Иными словами, на мой взгляд, нельзя говорить о том, что в подобных случаях отсутствует внешняя референция, поскольку в когнитивный фокус говорящего в первой части высказывания попадает одна характеристика «последующих лет» («счастливые»), а во второй части показывается, что когнитивный фокус говорящего расширяется, и в него попадает еще одна характеристика этих лет («пустоватые»), которая противопоставляется первой. Таким образом, в приведенном нами высказывании

и в подобных ему, полагаю, четко репрезентируется движение когнитивного фокуса говорящего, что свидетельствует об акте референции именно вовне, вследствие чего не совсем корректно вести речь о *метаязыковой* рефлексии.

7. В отдельных немногочисленных случаях имеет место некоторая терминологическая путаница. Так, в частности, при анализе примеров на *стр. 184-185* диссертант явно смешивает понятия внутренней и внешней формы языковой единицы: базу для морфосемантических ассоциаций может формировать внешняя, но никак не внутренняя форма языкового знака.

Приведенные выше дискуссионные соображения и вопросы нисколько не умаляют научной ценности проведенного М.А. Кравченко исследования, не дезавуируют сделанные им выводы, не затрагивают методологических основ диссертации, не влияют на логичность и доказательность концепции, представленной и обоснованной в работе, не нарушают стройность построенной автором модели обыденного метаязыка. Думаю, можно с уверенностью утверждать, что в рецензируемом исследовании представлено нетривиальное решение крупной лингвистической проблемы, затрагивающей концептуальные основы получения, представления и интерпретации лингвистического знания.

Автореферат диссертации и авторские публикации в научных изданиях (в том числе – в ведущих рецензируемых журналах, включенных в Перечень рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ) в достаточной мере отражают основные положения исследования. Анализ рецензируемого научного труда позволяет утверждать, что он характеризуется внутренним единством, высокой теоретической ценностью, существенной научной новизной и фундаментальностью концепции, логически завершен, выполнен самостоятельно и полностью соответствует всем требованиям и нормативам, установленным в пунктах 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней» (утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 с последующими изменениями и дополнениями).

Автор рецензируемой диссертации **Михаил Александрович КРАВЧЕНКО** заслуживает присуждения ему искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

15 сентября 2026 года

Официальный оппонент

доктор филологических наук (*специальность 10.02.19 – теория языка*), доцент, профессор кафедры западноевропейских языков и культур Института переводоведения, русистики и многоязычия ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», проректор по научной работе и развитию интеллектуального потенциала ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», Почетный работник науки и высоких технологий РФ

Олег Алимуратович Алимуратов

Контактная информация:

Алимуратов Олег Алимуратович (*специальность 10.02.19 – теория языка*)

Наименование основного места работы: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет»

Адрес: 357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, проспект Калинина, 9.

Тел.: (8793) 400-175.

Факс: (8793) 400-310.

E-mail: alimuole@mail.ru

Web-сайт организации: www.pgu.ru

